

В.С. Болт*

КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ ФРАНЦУЗСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ И ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ РУССКОГО ОККУПАЦИОННОГО КОРПУСА В 1815-1818 гг.

В статье рассмотрены различные формы конфликтов между гражданским населением Франции и военнослужащими русского корпуса, входившего в состав союзной оккупационной армии, дислоцировавшейся на северо-востоке Франции в 1815-1818 гг. Парижский мирный договор от 20 ноября 1815 г. содержал согласие не только европейских монархов, но и французского короля на введение режима оккупации, что предполагало защиту как гражданского населения, так и солдат от насилия, широко распространенного в предшествующий период активных боевых действий. Тем не менее, противоречия между воинскими чинами и мирными гражданами оставались достаточно многочисленными и каждая из сторон в новых условиях искала доступные способы для защиты себя. Видя строгость, которую командование корпуса проявляло по отношению к правонарушителям из числа своих подчиненных, население все чаще отдавало предпочтение не насильственным методам борьбы, а обращениям с различными жалобами на солдат, требуя правосудия за нанесенную обиду. Русское командование, в свою очередь, обратило внимание на попытки населения использовать жалобы как политический инструмент и стремилось пресекать их. Насилие же по отношению к иностранным военным не имело широкого распространения и фактически не выходило за рамки бытовых конфликтов, если не считать единичных случаев внешне ничем не мотивированной агрессии. Единственным исключением были регулярные столкновения между солдатами оккупационного корпуса и французскими таможенниками, нередко приводившие к жертвам и вызывавшие серьезное беспокойство как у русского военного штаба, так и у представителей местных властей.

---

* *Валентина Сергеевна Болт, младший научный сотрудник лаборатории Западно-европейских и средиземноморских исторических исследований Государственного академического университета гуманитарных наук, младший научный сотрудник Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, javany@mail.ru*

Valentina Bolt, Junior Research of Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies, State Academic University for the Humanities, Junior Research of Institute of History and International Relations, Saratov State University, javany@mail.ru

Ключевые слова: русский оккупационный корпус, русская армия во Франции, оккупация Франции 1815-1818 гг., гражданское сопротивление, конфликты солдат и гражданского населения

Благодарности

Исследование осуществлено по гранту РФФИ № 20-18-00113.

Цитирование: Болт В.С. Конфликты между французским населением и военнослужащими русского оккупационного корпуса в 1815-1818 гг. DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-185-195. // Французский ежегодник. 2020. Т. 53. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 185-195.

Поступила в редакцию 19.07.2020

Принята к печати 28.07.2020

Valentina Bolt

CONFLICTS BETWEEN THE FRENCH POPULATION AND SERVICEMEN OF THE RUSSIAN OCCUPATION CORPS IN 1815-1818

The article examines the conflicts between the civilian population of France and the servicemen of Russian corps which was a part of the allied occupation army stationed in northeastern France in 1815-1818. The Paris Peace Treaty of November 20, 1815 contained the consent of not only European monarchs, but also the French king to the introduction of an occupation regime, which meant protecting both civilians and soldiers from violence that was widespread in the previous period of active hostilities. Nevertheless, the number of contradictions between military ranks and civilians remained significant and each of the parties in the new conditions was looking for affordable ways of self-defense. Seeing the severity that the corps command showed towards the offenders from among their subordinates, the population increasingly preferred not to use violence, but to present various complaints against soldiers, demanding justice for the offense. The command, in turn, began to pay attention to the population's attempts to use complaints as a political tool and tried to suppress them. The violence against soldiers was not frequent, in fact, it did not go beyond the framework of domestic conflicts, or represented isolated cases of seemingly unmotivated aggression. The only exceptions were the regular clashes between corps soldiers and French customs officials, which often resulted in casualties and caused serious concern

for both the Russian military headquarters and representatives of local authorities.

Keywords: Russian occupation corps, Russian army in France, occupation of France 1815-1818, civil resistance, conflicts between soldiers and civilians

Acknowledgements

The study is sponsored by the Russian Science Foundation, grant 20-18-00113.

For citation: Bolt V.S. (2020). Konflikty mezhdu frantsuzskim naseleniyem i voyennosluzhashchimi russkogo okkupatsionnogo korpusa v 1815-1818 gg. [Conflicts between the French population and servicemen of the Russian occupation corps in 1815-1818] DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-185-195. *Annual of French Studies 2020*. Vol. 53. Moscow: IVI RAN, 2020. P. 185-195.

Submitted: 19.07.2020

Accepted: 28.07.2020

В 1814 г. Франция, чьи войска на протяжении двух предшествующих десятилетий уже привычно для себя располагались на территориях других стран Европейского континента, сама познала горький опыт иностранной военной оккупации. Более того, в 1815-1818 гг. иностранные войска, по условиям Парижского мирного договора, находились во Франции на постоянной основе до выполнения ею условий мира. Как население оккупированных областей восприняло этот новый и неприятный для себя опыт? Какого рода конфликты имели место между жителями и военнослужащими иностранных войск, если не в массовом масштабе (таких, как мы знаем, не было), то хотя бы на бытовом уровне? Далее я попытаюсь рассмотреть, как в данном отношении обстояли дела в зоне ответственности русского оккупационного корпуса графа М.С. Воронцова.

Исследуя тему конфликтов между военнослужащими и гражданским населением в зоне русской оккупации, приходится признать, что доступная для этого источниковая база, в сравнении, скажем, с материалами по солдатским преступлениям, весьма разрознена. В то время как рапорты о расследовании жалоб на военнослужащих в конечном итоге собирались в канцелярии корпусного аудиториата, документы о расследованиях преступлений со стороны гражданского населения и даже просто жалобы солдат,

поступавшие в канцелярии местных администраций, остались рассеяны среди множества других документов, касающихся отношений с оккупационной армией, что существенно осложняет задачу определить хотя бы примерное количество подобных фактов, не говоря уже о составлении их подробной статистики.

Французский историк и лингвист Ж. Брейяр в одной из своих статей, написанной с использованием, в частности, документов из архива прокуратуры округа Авен, пришел к такому выводу: «Преступления, совершаемые против русских за этот период (с марта 1816 г. по ноябрь 1818 г. – В.Б.) довольно многочисленны и более тяжелые, чем проступки русских»¹. Однако конкретных цифр для сравнения даже по одному округу, а уж тем более по всей зоне русской оккупации, он не привел. Кроме того, надо учитывать, что, согласно условиям Парижского мирного договора, в период оккупации иностранные (и русские в частности) военнослужащие и французское население подлежали разной юрисдикции: военнослужащие были неподсудны французским гражданским судам, а французские граждане – военным судам оккупационной армии. По этой причине во французском окружном архиве и не оседали документы о правонарушениях русских солдат, что также не позволяет на основе сохранившихся в нем свидетельств делать сравнения о том, какая из сторон совершила больше правонарушений.

И оккупационное командование, и местные администрации старались убедить мирное население отказаться от любых насильственных мер и при получении какой-либо обиды от солдат обращаться с официальными жалобами к мэрам. Российское командование со своей стороны демонстрировало готовность со всей строгостью наказывать своих подчиненных за правонарушения и несоблюдение договоренностей по поставкам, к примеру, провианта или дров.

Тем не менее, судя по первым рапортам о расследованиях жалоб со стороны населения, жители поначалу обращались к русским командирам с некоторой опаской. В январе 1816 г. один из адъютантов Воронцова докладывал, что расследовал ряд жалоб, поступивших на русских солдат. Один из жителей Фюме пожаловался на кражу из своего гардероба шерстяной шапки и двух платков, «всего ценою в 9,5 франков»², в чем он подозревал сол-

¹ Брейяр Ж. М.С. Воронцов в Мобеже. К истории русского оккупационного корпуса во Франции. 1816-1818 гг. // Воронцовы - два века в истории России. СПб., 2000. С. 138.

² РГВИА. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 82.

дата одной из егерских рот, которая ненадолго расположилась в Фюме, а потом выступила маршем в Рокруа. Обвиняемый солдат квартировал у пострадавшего и оставался в его доме еще в течение пяти дней после обнаружения кражи. Хозяин дома кражу обнаружил сразу, так как гардероб закрывался на замок, который злоумышленник выломал. Согласно условиям пребывания оккупационных войск во Франции, в подобных случаях пострадавшему следовало обращаться к мэру, который должен был связаться с военным командованием расположенного в городе подразделения. В крайнем случае можно было напрямую обратиться к русскому офицеру. Судя же по рапорту, француз не воспользовался ни одним из вариантов. По его словам, он попытался сообщить о случившемся батальонному адъютанту, но, не застав того дома, больше никаких попыток не предпринимал. До российского командования жалоба в итоге дошла от одного из французских жандармов, которые после ухода русских солдат из города проверяли там обстановку. Понимая, насколько сложно искать виновных в правонарушении тогда, когда подразделение перемещается по территории, Воронцов на протяжении всей оккупации настаивал на том, чтобы во время маршей или учений жалобы населения собирались и расследовались в максимально краткие сроки. Нередко в таких случаях из корпусной казны выделялись небольшие суммы для покрытия понесенного ущерба. В данном же случае назначенный расследовать жалобу адъютант Бутлеров предложил пострадавшему отправиться вместе с ним в Рокруа, где располагалась та самая егерская рота, и найти подозреваемого, однако француз «отозвался слабостью здоровья и тем что уже их не узнает».

Похоже обстояло дело и с жалобой мельника Люгана, который тоже после ухода егерей из Фюме доложил жандармам, что его обокрали: забрали из ящика 50 франков, а из гардероба новую женскую шубу стоимостью в 40 франков и простыню в 15 франков. Как и предыдущий пострадавший, Люган не обратился сразу с жалобой к мэру, хотя подозревал в случившемся квартировавших у него солдат. Причиной задержки была аккуратность воров: замок в гардеробе они открыли незаметно, не сломав, из-за чего хозяйка не сразу обнаружила пропажу. Исчезновение 50 франков мельник тоже заметил не сразу, так как в ящике, где они хранились, лежала достаточно значительная сумма в 500 франков, и,

хотя он увидел какие-то незначительные повреждения на ящике, деньги пересчитывать не стал.

Все эти подробности пострадавший изложил Бутлерову в присутствии мэра Фюме и комиссара, уполномоченного координировать отношения французских чиновников с коалиционным командованием. Люгану Бутлеров также предложил съездить в Витри, куда переместились квартировавшие ранее у него солдаты, и указать тех, кого он подозревает. Но мельник тоже отказался от этого предложения, «отзываясь, что после столь долгого времени их не узнает, и при том и утвердительно не может сказать, точно ли они то украли, ибо и прежде имел много постояльцев разных войск»³.

Подводя итог рассмотренным происшествиям, Бутлеров заметил, что население порой проявляет страх перед «военными начальниками» и поэтому не обращается с жалобами на обиды со стороны солдат⁴. Кроме того, далее он высказал еще одно интересное замечание: «Процессы по коим сделаны мною свидетельства, имею честь представить Вашему Сиятельству с подписями г.г. Комиссаров, какой конец имело каждое дело. Сего не требовал я от них в удостоверение точности моего донесения, но собственно для того, чтобы они не могли возобновить ничего из сих происшествий, ибо я заметил в сих чиновниках весьма большое желание подыскиваться и даже вызывать жителей к недельным жалобам»⁵. Подробных объяснений своим выводам адъютант не дал, однако его рапорт заставляет задуматься, с какой целью местные власти могли пытаться увеличить количество донесений о правонарушениях солдат и было ли это постоянной практикой.

Очевидно, что такие жалобы были политическим средством, которое представители местных властей использовали в диалоге с оккупационным командованием. Население достаточно быстро осознало, что применять физическое насилие против военных, которые при необходимости могут использовать оружие, слишком рискованно, а вот нажаловавшись Воронцову, можно добиться гораздо более жестокого «отмщения» за обиду. Это приводило, в ряде случаев, к очевидным манипуляциям со стороны местного населения. В приказе по корпусу от 22 февраля 1816 г. М.С. Воронцов объявил: «Я получил от некоторых из жителей жалобы, что из стоящих у них наших воинских чинов иные в разговорах хвалят

³ Там же. 83 об.

⁴ Там же. 86.

⁵ Там же.

Бонапарта и хулят теперешнее правление. Я им отвечал, что сие не может быть другое как шутки, коими наши, стоя иногда у людей, приверженных к Королю, хотят, быть может, отомстить за дурное обхождение хозяев, и что никакой русский не может предпочесть лютаго разорителя Москвы, почтенному и благодетельнейшему Королю, ныне здесь управляющему. Впрочем, даю на замечание, что и шутки в сем случае неприличны...»⁶.

На протяжении всей оккупации гражданское население активно выражало свое недовольство посредством официальных жалоб, поводов для которых было немало: солдаты не хотели пользоваться казармами, хотя устройство таковых потребовало немалых ресурсов от коммуны или города⁷, рвали ягоды в садах⁸, офицеры делали значительные долги⁹ и пр. Между тем среди военнослужащих оккупационных войск практика подачи жалоб на местных жителей была распространена в гораздо меньшем масштабе. Гораздо чаще солдаты либо мстили за обиду самостоятельно, либо и вовсе отмалчивались. В литературе нередко упоминается случай с поставкой муки, практически наполовину разбавленной песком. Как утверждает Ж. Брейяр, солдаты даже использовали (в пищу!) две такие партии, но не выдержали при попытке поставщиков повторить подобные действия.

Командование корпуса прекрасно понимало то, что население в ряде случаев использует в корыстных целях свое право жаловаться. Нередко в ходе расследований обнаруживались и обманы, поэтому М.С. Воронцов настаивал на тщательном рассмотрении каждого отдельного случая, а в одном из приказов сам подробно описал процедуру расследования, допросов и дознания.

Исследуя проблему взаимоотношений гражданского населения с воинскими чинами в период французской оккупации, Ж. Брейяр обратил внимание на откровенную пристрастность французских судебных чиновников, разбиравших дела об обидах, наносимых гражданским населением русским солдатам¹⁰. М.С. Воронцов действительно не единожды обращался к французским властям с требованием пересмотреть некоторые из приговоров, выносимых французам. Один из таких случаев едва не

⁶ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 46.

⁷ Там же. Л. 105.

⁸ Там же. 540. Л. 117.

⁹ Там же. Д. 541. Л. 28.

¹⁰ Брейяр Ж. Указ. соч. С. 139.

привел к скандалу. В середине 1816 г. прокурор города Авен отпустил двух французских таможенников, обвинявшихся в том, что без веских причин застрелили казака. Несмотря на то, что оккупация к тому моменту длилась достаточно недолго, М.С. Воронцов уже был настолько зол на французских чиновников, что объявил по корпусу приказ не отдавать правонарушителей из числа гражданских в руки французского суда, а доставлять в корпусный штаб¹¹.

Справедливости ради следует заметить, что подобные жалобы звучали из уст не только русского командира. В июле 1817 г. комиссар полиции департамента Нор сообщал в центральное полицейское управление о том, что герцог Веллингтон, командующий всей оккупационной армией, нередко жалуется на французских служителей закона за недостаточную строгость к правонарушениям со стороны мирных граждан, приводя в качестве примеров жалобы не только английских, но и саксонских солдат¹². Очевидно, что лояльность французских судей к согражданам была характерна для всей оккупированной территории, а не только для русской зоны.

В ряде случаев конфликты выливались в насильственные действия: местные жители нападали на солдат с оружием или тяжелыми предметами, вступали с ними в драки и пр. Впрочем, такие столкновения носили преимущественно бытовой характер при небольшом количестве участников. Изучая документы Национального архива Франции, М.В. Губина отметила, что подобного рода противоречия возникали у местного населения именно с русскими военными, в то время как поводом для конфликтов с солдатами других корпусов чаще всего были «взаимные оскорбления на национальной почве»¹³.

Однако в российских источниках встречаются свидетельства и о проявлениях со стороны французов внешне ничем не мотивированной агрессии. Например согласно протоколу допроса от 12 октября 1815 г. готлангер¹⁴ 12 артиллерийской бригады показывал: «Вчерашнего числа <...> шел я по улице с казенным фуражем

¹¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2164. Л. 8 об.

¹² AN. F. 7. D. 9900.

¹³ Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814-1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 154.

¹⁴ Готлангер – должность в артиллерийском расчете.

с сеном <...> встретясь со мною неизвестный мне Человек, у которого была на плече большая длинная доска (нечаяно или с умыслу, сего я утверждать не могу) сей Человек толкнул меня оной в бок, от чего как имевши я на себе большую тягость сена, упал, вставши тот час начал Его за то бранить, но оный войдя в азарт поставил большую доску к стене и в ту минуту схватил другую короткую доску бросился меня ею бить и зашиб мне палец до крови, потом и еще бросясь на меня, с помощью других Ему также сотоварищами бывших, и я принужден был отбиваться от них, того неизвестного мне человека – толкнуть от себя в грудь, который и упал, впрочем ежели бы не успели из товарищей моих защитить меня, то вероятно что бы сбежавшиеся разного рода жители в таковой раз совершенно меня изувечили бы»¹⁵. Интересно, что о случившейся драке, в которой бравый готлангер-таки разбил французу голову, корпусное командование узнало из жалобы, которую тот самый француз немедленно подал русскому коменданту крепости¹⁶.

Согласно рапорту от 3 сентября 1816 г., «7 мушкетерной роты <...> рядовой Сидор Распутенко <...> проколот насквозь в брюхо штыком; и <...> будучи в здравом еще рассудке объявил <...> что он 31го числа августа по полудни в 7м часу пошел из Ляновиль-Ожута в те хутора, где квартируют той же части солдаты к рядовому Еременке за подметками, не доходя из онаго в нескольких шагах попался на встречу ему француз, не останавливая его и не говоря ни слова ткнул его в брюхо, но чем именно по темноте приметить не мог; сторяча сей рядовой воротился в тот же дом где закуривал трубку и упал <...> две женщины, тут же объявили, что проколот того рядового непременно житель тех хуторов Актор Друар»¹⁷.

Количество подобных примеров в российских документах невелико. Однако многие примеры других конфликтов свидетельствуют о том, что солдаты, особенно рядовые, вообще жаловались нечасто как на сослуживцев, так и на штатских. Наибольшее количество подобных актов насилия со стороны местных жителей пришлось на 1815-1816 гг., а в последующем заметно сократилось.

Случались, правда, и другие казусы. В октябре 1815 г. командир корпусной артиллерии полковник Либштеин в рапорте докладывал о ссоре и драке между французом Николаем (Николя) Жа-

¹⁵ РГВИА. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 15.

¹⁶ Там же. Л. 14.

¹⁷ РГВИА. Ф. 16235. Оп. 1. Д. 74. Л. 140.

ком и готлангером Сентясевязовым, в результате которой француз получил рану головы. Согласно рапорту, оба участника признали собственную вину, друг перед другом извинились, а французский комиссар выдал расписку о том, что пострадавший не имеет никаких претензий из-за нанесенной ему раны¹⁸.

В контексте описываемых событий, ожидаемо было бы увидеть свидетельства о конфликтах русских военнослужащих с французскими. Один из таких примеров действительно встречается в российских документах: согласно рапорту от 12 июля 1816 г. рядовой Каноненко был подстрелен картечью французским офицером Демёже. Между тем, согласно показаниям пострадавшего, француз выстрелил в него, предполагая, что солдат пришел воровать его сено, то есть и этот конфликт носил не военный, а сугубо бытовой характер¹⁹. Других примеров агрессии со стороны французских солдат в корпусных приказах не встречается. В наибольшей степени этому способствовало стремление обеих сторон (как французского правительства, так и командования союзной армии) держать своих солдат на некотором расстоянии друг от друга. По условиям Парижского договора, французские солдаты не могли дислоцироваться в тех же городах, где размещались оккупационные силы. В феврале 1816 г. граф Воронцов получил копию депеши герцога Ришелье графу Поццо ди Борго с просьбой ускорить возвращение к войскам выздоровевших русских солдат, которые не хотят покидать госпиталь в городе Шалон. По его словам, в Шалоне должно дислоцироваться местное военное подразделение, но местные власти опасаются потасовок между солдатами и не пропускают в город французских солдат, пока не уедут русские²⁰.

Из тех, кто имел право на ношение оружия, наибольшую опасность для солдат представляли таможенники. Столкновения с ними нередко приводили к жертвам со стороны воинских чинов. Ж. Брейяр, опираясь на архивные документы, подробно описал некоторые примеры нападений таможенных служащих на русских солдат в подтверждение своего тезиса о высокой степени агрессии, которую французы проявляли по отношению к оккупантам²¹. Однако при рассмотрении подобных примеров следует учитывать и тот факт, что солдаты действительно часто провозили контра-

¹⁸ Там же. Л. 12.

¹⁹ Там же. Л. 133.

²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2464. Л. 14.

²¹ Брейяр Ж. Указ. соч. С. 140.

банду, хотя и не всегда делали это осознанно. Тем не менее, легкость, с которой французские таможенники открывали стрельбу по нарушителям при проявлении теми малейшей несговорчивости, вызывала беспокойность как у командования корпуса, так и у местных властей.

Подводя итог, отмечу, что, несмотря на прокатившуюся по Европе волну насилия, связанного с продолжительным ведением военных действий, основная масса участников конфликта была готова к мирному сосуществованию. Регистрируемые конфликты между военнослужащими оккупационных войск и гражданским населением носили преимущественно неагрессивный или малоагрессивный характер. Вероятнее всего, не последнюю роль в этом сыграла стратегия, выбранная российским императором и достаточно грамотно реализованная М.С. Воронцовым, по созданию для российских солдат образа миротворцев. Ж. Брейяр в своем исследовании прямо отмечает, что именно решения русского командира и его строгость по отношению к солдатам позволили сократить количество насилия в зоне русской оккупации²².

REFERENCES

- Брейяр Ж.* М.С. Воронцов в Мобеже. К истории русского оккупационного корпуса во Франции, 1816–1818 // Воронцовы – два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 6. СПб., 2000. С. 127-151. [Breuillard J. M.S. Voroncov v Mobezhе. K istorii russkogo okkupacionnogo korpusa vo Francii, 1816–1818 // Voroncovy – dva veka v istorii Rossii. Trudy Voroncovskogo obshchestva. Vyp. 6. SPb., 2000. S. 127-151].
- Губина М.В.* Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814-1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 153-161. [Gubina M.V. Osobennosti obraza Rossii i russkih v soznanii francuzskih sovremennikov v 1814-1818 gg. // Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya. Vyp. 2. M.: IRI RAN, 2002. S. 153-161].
- Goubina M.* Russes et Français (1812-1818). Paris: PUPS, 2017. 200 p.

²² Там же. С. 133.